

ВЗГЛЯДЫ И. КАНТА НА ПРОБЛЕМУ ВЗАИМОСВЯЗИ МОРАЛИ И ПРАВА КАК ИСТОЧНИК ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ В. С. СОЛОВЬЕВА

*Работа представлена кафедрой теории и истории культуры
Тверского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Б. Л. Губман

Статья нацелена на освещение взглядов И. Канта относительно проблем морали и права, на выявление их сходства и различия с философией В. С. Соловьева. Согласно Канту право, в отличие от морали, регулирует лишь внешние отношения. Соловьев, подобно Канту, неотъемлемым элементом права считает свободу. Источник морали и права, по Канту, – разум. По Соловьеву, для разума как источника морали и права необходима еще и вера в религиозное начало.

Ключевые слова: право, свобода, мораль, религия, категорический императив.

S. Khokhlov

I. KANT'S APPROACH TO THE PROBLEM OF LAW AND MORALITY RELATIONS AS A SOURCE OF V. S. SOLOVYOV'S PHILOSOPHICAL VIEWS

The article is aimed at the analysis of I. Kant's views on law and morality relations and their impact on V. S. Solovyov's philosophy. Law, in Kant's opinion, regulates only external human interrelations and differs in this respect from morality. Like Kant, Solovyov looks at law as rooted in human freedom. Kant interpreted

the human mind as a source of morality and law. As a source of law and morality, it should possess, Solovyov claims, another highest capacity – religious belief.

Key words: law, liberty, morality, religion, categorical imperative.

Вопросы права, морали, а также их соотношение Иммануил Кант (1724–1804) исследует в различных своих трудах. В «Метафизике нравов» (1797) И. Кант формулирует следующее понятие права: «Это совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения условия свободы» [2, с. 285].

В. Ф. Асмус справедливо акцентирует внимание на том, что, согласно Канту, право и определяемые правом обязанности регулируют только внешние отношения между людьми безотносительно к содержанию практических действий и регулируют их лишь со стороны формы [1, с. 97].

Говоря о морали, Кант подчеркивает ее первичность по отношению к религии. В «Критике практического разума» (1788) говорится о том, что моральная необходимость признавать бытие божье субъективна. По мнению Канта, нет необходимости признавать бытие божье как основание всякой обязательности вообще (ведь это основание зиждется исключительно на автономии самого разума) [2, с. 231].

Взгляды о первостепенном значении морали по отношению к религии, обосновываются и в «Религии в пределах только разума». В предисловии к первому изданию этого труда (1793) Кант отмечает: «...мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе...» [3, с. 5].

Мораль вполне может и должна, когда дело касается долга, отвлечься от всяких целей. Например, чтобы узнать, должен ли я перед судом давать правдивые свидетельские показания, нет надобности спрашивать о цели, которую я мог бы поставить перед собой, давая объяснение своей деятельности. Безразлично какова эта цель. Более того, если тот, от кого требуют правдивых показаний, считает нужным искать какую-нибудь цель, то уже этим он показывает себя человеком недостойным [3, с. 6].

Как бы там ни было, мораль, по Канту, может иметь определенное отношение к цели. Разум не может быть безразличным к тому,

каков ответ на вопрос: *что же последует из этого нашего правомерного действия* и к какой цели мы можем направить свои поступки? Для возможности высшего блага необходимо признать высшее, моральное, святейшее существо, которое может объединить оба этих элемента. Эта идея помогает нашей естественной потребности мыслить для всякой нашей деятельности в целом какую-нибудь конечную цель, оправдываемую разумом; иначе имелось бы препятствие для морального решения. Но, что самое важное, эта идея высшего существа следует из морали и не есть ее основа; цель, которую ставят, уже предполагает нравственные принципы [3, с. 7].

Для устранения неопределенности в понимании терминов «этика», «мораль», «нравственность», а также характера их взаимосвязанности, следует обратиться к пояснениям самого немецкого автора. В предисловии к «Метафизике нравов» Кант пишет, что наука о законах свободы носит название *этика*. Этика также называется учением о нравственности [2, с. 55]. Далее, Кант говорит о том, что этика точно так же, как и физика, имеет свою эмпирическую и рациональную часть. При этом «эмпирическая часть в отдельности могла бы называться *практической антропологией*, а рациональная – собственно *моралью*» [2, с. 56].

Основа для обособления права и этики лежала в утверждавшемся этикой Канта различии между «моральностью» и «легальностью» поведения человека [1, с. 306]. Во Введении в метафизику нравов Кантом дается определение *юридических законов*. Это такие законы, которые касаются лишь внешних поступков и их законосообразности; если же ими выдвигается требование, чтобы они (законы) сами были определяющими основаниями поступков, они называются *этическими* [2, с. 270].

Соответствие или несоответствие поступка закону безотносительно к его мотиву называют *легальностью* (законосообразностью); то соответствие, в котором идея долга, основанная на законе, есть в то же время мотив поступка,

называется *моральностью* (нравственностью) поступка [2, с. 275].

В учении о моральности (или неморальности) речь идет о намерениях. Напротив, в учении о праве речь может идти не о намерениях, а только о *поступках*. Юридический закон не касается содержания поступков и независимо от мотивов поведения определяет лишь внешние действия [1, с. 307].

Кант не обособляет полностью право от этики. В. Ф. Асмус замечает, комментируя его идеи, что право не может включать в себя внутренние мотивы. И в этом смысле этическое законодательство видится шире законодательства правового. Однако, не требуя непременно внутренних мотивов поступка, право, по Канту, и не исключает эти требования. Следовательно, правовое законодательство – часть законодательства этического. В этических законах заключается предписание не только этических обязанностей в собственном смысле этого понятия, но также и предписание обязанностей юридических. В этом смысле юридический закон рассматривается как частное следствие категорического императива [1, с. 308].

В «Основах метафизики нравственности» (1785) категорический императив Канта звучит следующим образом: *«Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»*.

Императив (веление или запрет) представляет собой практическое правило, благодаря которому сам по себе случайный поступок *делается* необходимым [2, с. 277]. Категорический императив, выражая обязательность в отношении определенных поступков, есть морально практический закон [2, с. 278]. И напротив, *закон* (морально практический) – это положение, содержащее категорический императив (веление) [2, с. 282].

По мнению В. Ф. Асмуса, учение Канта о праве, вполне формальное по характеру, оказалось подчиненным учению философа о практическом разуме: право – подчиненным этике, юридические нормы – в конечном счете – категорическому императиву [1, с. 309].

При сопоставлении философских воззрений на проблему соотношения морали и права Им-

мануила Канта и взглядов русского философа Владимира Сергеевича Соловьева (1853–1900) обнаруживается немало схожего. На страницах второго издания «Оправдания добра» (1899) Соловьев, рассуждая о связи нравственности с правом, подчеркивает, что право «есть низший предел или определенный минимум нравственности» [6, с. 448]. Даются и другие характеристики права: «Право – свобода, обусловленная равенством»; «Право – синтез свободы и равенства» [5, с. 18].

Объединив указанные дефиниции права, Соловьев формулирует понятие права, не менее универсальное, чем у Канта: «Право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [6, с. 450]. Данный подход пересекается с мнением Канта о регулировании правом только внешних, а не всех возможных, отношений между людьми.

Соловьев, подобно Канту, отводит особое место свободе, равенству. Свобода, по мнению Соловьева, «есть необходимый субстрат или подлежащее права, а равенство – его необходимая форма. Отнимите свободу, и право становится своим противоположным, т. е. насилием. Точно так же отсутствие общего равенства (т. е. когда данное лицо, утверждая свое право по отношению к другим, не признает для себя обязательными права этих других) есть именно то, что называется неправдой, т. е. также прямое отрицание права» [5, с. 20].

Русский философ и психолог, современник Соловьева Л. М. Лопатин (1855–1920) в речи, прочитанной на торжественном заседании Психологического общества в память В. С. Соловьева 2 февраля 1901 г., говорил, что для Соловьева «...свобода, равенство, братство... не были просто словами. Для него это самые элементарные и в то же время совершенно неустрашимые устои христиански-человеческой жизни, обязательность которой не может быть поколеблена никакими соображениями» [4, с. 184].

Упомянутый Соловьевым принцип отношения к другим существам: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобою самим» [6, с. 167] в достаточной степе-

ни соотносим с категорическим императивом Канта. Я. А. Слинин во вступительной статье к «Критике практического разума» пишет: «На первый взгляд кажется, что Кант не говорит ничего нового. Его нравственный закон очень напоминает старинное „золотое правило“, которое в той или иной форме встречается и у древневосточных мудрецов, и у античных философов, и в христианской традиции...: „не делай другим того, чего не хочешь, чтобы причиняли тебе“» [2, с. 19]. Слинин приводит высказывание одного из рецензентов сочинения Канта, считавшего, что в «Критике практического разума» не устанавливается новый принцип моральности, а только дается *новая формула*. Но, новизна такой «формулы» в том, что, по Канту, нравственность никак не опирается на чувство; она целиком и полностью разумна [2, с. 20].

В «Критике отвлеченных начал» (1880), Соловьев, признавая ценность категорического императива, особо акцентирует внимание на желании того, чтобы правила поведения становились всеобщими. Нужно, чтобы мы могли хотеть, чтобы правило нашей деятельности стало всеобщим законом: в этом состоит канон, или норма, нравственной оценки этого действия вообще [7, с. 470]. В итоге – категорический императив Канта и христианская заповедь, упоминаемая Соловьевым, – еще одна точка соприкосновения воззрений двух мыслителей.

Работы русского философа полны ссылок на Канта. В приложении к «Оправданию добра» Соловьевым указано: «Воспроизводимая здесь (с поправками) часть этой книги писана около 20 лет тому назад, когда автор в вопросах чисто философских находился под преобладающим влиянием Канта и отчасти Шопенгауэра» [6, с. 549]. Однако работа «Оправдание добра» – свидетельство тому, что приверженность некоторым идеям Канта, с определенной оговоркой, Соловьев сохранил и вплоть до конца своей жизни.

Но во взглядах двух философов есть и отличия. Кант говорит об особом значении разума, о первостепенной роли морали по отношению к религии. Соловьев исходит несколько от обратного подхода. Соловьеву свойственна

глубокая религиозность, предопределившая все его творчество.

По Соловьеву, религия первичнее морали. От естественной религии получают свою разумную санкцию все требования нравственности. Положим, разум прямо говорит нам, что хорошо подчинять плоть духу, хорошо помогать ближним, признавать права других как свои собственные; но для того чтобы слушаться этих внушений разума, нужно верить в него, верить, что добро, которого он от нас требует, не есть субъективная иллюзия, что оно имеет действительные основания, или выражает истину... [6, с. 180].

Причем В. С. Соловьев отстаивает подобную точку зрения без привязки к какой-либо конкретной религии. «Так, язычники Римской империи признавали христиан безбожными, и со своей точки зрения они были правы, так как все их боги действительно отвергались христианством» [6, с. 180]. Соловьевым делается вывод о том, что «независимо от какого бы то ни было неверия, всякий человек, как *разумное* существо, должен признавать, что жизнь мира вообще и его собственная в частности имеет смысл, что, следовательно, все зависит от высшего разумного начала...» [6, с. 180–181].

Нужно отдать должное тому, что В. С. Соловьев не привержен крайне религиозному взгляду, не признающему возможность осуществления добра вне связи с религией. Соловьев считал: «Что истинная религия дает силы своим истинным приверженцам исполнять добро – это не подлежит сомнению, но чтобы *только* чрез нее давались эти силы и помимо ее невозможно было делать никакого добра – такое исключительное утверждение, требуемое будто бы высшими интересами веры, на самом деле прямо противоречит учению самого великого поборника прав веры – апостола Павла, признающего, как известно, что и язычники по естественному закону могут делать добро». «Ибо, – говорит он, – когда языки – те, что не имеют закона, по природе законное творят, то они, закона не имеющие, сами себе закон» [6, с. 100]. Такие мысли подчеркивают терпимость Соловьева к самым разнообразным точкам зрения.

Исследование взглядов Соловьева помогает понять, почему русский философ не соглашается с Кантом в том, что практический разум не может быть безусловным принципом действительного человеческого поведения. Вместе с тем В. С. Соловьев, анализируя труды немецкого автора, решает предположить: «... вопреки своей критике за звездным небом над нами Кант захотел найти Бога, а за голосом совести в нас – бессмертную душу по образу и подобию Божию» [6, с. 244].

Таковы основные сравнительные характеристики взглядов двух философов – И. Канта и В. С. Соловьева на проблему соотношения морали и права. Кант и Соловьев в своих исследованиях приходят к довольно похожим точкам зрения на проблему взаимосвязи морали и права. Различны лишь пути. Рассуждения данных философов и сегодня побуждают к размышлению о проблемах морали и права в контексте социальной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмус В. Ф.* Иммануил Кант. М.: Высшая школа, 2005 (Классика философской мысли). 439 с.
2. *Иммануил Кант.* Критика практического разума. СПб.: Наука, 2007. Опубликовано по изданию: Иммануил Кант. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1963–1966 (Т. 4, ч. 1, 2). 528 с.
3. *Кант Иммануил.* Сочинения: в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 6. 613 с.
4. *Лопатин Л. М.* Философские характеристики и речи. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 496 с. (Классическая философская мысль).
5. *Соловьев В. С.* Право и нравственность. Мн: Харвест; М.: АСТ, 2001. 191 с.
6. *Соловьев В. С.* Сочинения в 2 т. Т. I / сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 892, [2] с., 1 л. портр. (Филос. Наследие. Т. 104).
7. *Соловьев В.* Философское начало цельного знания. Мн: Харвест, 1999. 912 с. (Классическая философская мысль).